УДК 316.422:329(470) DOI: 10.22394/2071-2367-2020-15-5-87-95

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭВОЛЮЦИИ ИНСТИТУТА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Цыбаков Д.Л.[1]

Аннотация. Цель статьи – оценка характера эволюции института политических партий в постсоветской России. В статье обосновывается, что политические партии продолжают оставаться одним из ведущих политических институтов в современной Российской Федерации. Отмечается преждевременность признания функциональной недееспособности партийных институтов в постиндустриальном/ информационном обществе.

Аргументируется, что политические партии продолжают оставаться связующим звеном между обществом и государственной властью, сохраняют потенциал для целенаправленного и регулярного воздействия на стратегические направления социального развития.

Методология исследования основана на принципах системности, что позволило проанализировать различные источники информации и эмпирические данные о тенденциях и перспективах эволюции партийной системы Российской Федерации.

В результате авторы приходят к выводу, что в российских условиях нарастает сближение партийных элит с государственным бюрократическим аппаратом, наблюдается отдаление политических партий от гражданского общества.

Ключевые слова: политическая партия, партийная система России, кризис института политических партий, картелизация партийных систем, массовая партия, кадровая партия.

TRENDS AND PROSPECTS FOR THE EVOLUTION OF THE INSTITUTION OF POLITICAL PARTIES IN MODERN RUSSIA

TSYBAKOV D.L. – Doctor of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Russian Federation, Orel), e-mail: d413839@ yandex.ru

Цыбаков Дмитрий Леонидович – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, адрес: 302028, Россия, г.Орел, б. Победы, д.5 а, e-mail: d413839@ yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to assess the nature of the evolution of the institution of political parties in post – Soviet Russia. The article substantiates that political parties continue to be one of the leading political institutions in the modern Russian Federation. The premature to recognize the functional incapacity of party institutions in the post-industrial/information society is noted.

It is argued that political parties continue to be a link between society and state power, and retain the potential for targeted and regular influence on strategic directions of social development.

The research methodology is based on the principles of consistency, which allowed us to analyze various sources of information and empirical data on trends and prospects for the evolution of the party system in the Russian Federation.

As a result, the authors come to the conclusion that in Russian conditions the convergence of party elites with state bureaucracy is increasing, and there is a distance between political parties and civil society.

Keywords: political party, party system of Russia, crisis of the Institute of political parties, cartelization of party systems, mass party, staff party.

В эпоху постсоветских радикальных реформ и суверенизации Российской Федерации политические партии стали одним из ключевых субъектов политики в нашей стране независимо от своих электоральных успехов и декларируемых идеологических предпочтений. Однако исследователи отмечают кризис модели массовых политических партий и формирования новых типов партийных организаций как в традиционных либеральных демократиях, так и в ситуации функционирования «переходных» политических режимов. Среди параметров кризиса партий выделяют: иллюзорность связи с социальными группами и незавершенность организационного единства, переход к сетевой организационной структуре, деидеологизацию и бюрократизацию управленческого аппарата, нарастание практик популизма в партийно-общественной коммуникации.

В то же время неизменными чертами институциональной природы политических партий остаются невозможность их полной инкорпорации с государственными институциями, формирование на добровольной основе, провозглашение единства идейно-политических целей. Стратегическое значение имеет ориентация партийной организации на отстаивание интересов определённого социального сообщества.

Отметим, что основной корпус партологических исследований посвящён тематике развития партий и партийных систем классических демократий, что предопределяет заметную односторонность разрабатываемых концептуальных положений и делает проблематичным их применение для анализа партогенеза в странах с автократическими политическими системами, «переходными»,

«смешанными» режимами. Поэтому сохраняют свою актуальность принципы функционального, структурного и структурно-функционального концептов, которые в наибольшей мере способствуют решению проблемы исследования тенденций эволюции партийных институтов в Российской Федерации[1].

Отметим, что происходящие в XXI столетии модификации системы партийно-политического представительства в демократических государствах имеют сложную природу. По своей сути происходящие в обществе трансформации принципиально не преобразуют политико-институциональную сущность партий. Как и в XX веке, приоритетами для партийных элит являются победа в избирательной борьбе, конкуренция за политическое влияние и обладание ресурсами государственной власти.

По мнению автора, преждевременно констатировать масштабный кризис института политических партий как таковых. Как правило, за него принимают реформирование организационной модели партийной деятельности, пересмотр объёма её компетенции. Всё перечисленное само по себе не ведёт к деинституционализации партий как политического института. В то же время не подвергается сомнению снижение эффективности выполняемых ими общественно-политических функций, что в первую очередь следует отнести к положению политических партий «массового» типа.

Оказавшись перед вызовом, который возник в условиях постиндустриальной эпохи, политические партии всё интенсивнее переформатируют свои функциональные задачи в сторону реализации их властно-государственных интересов. Однако теперь восстановление и укрепление статуса партийных элит в качестве ключевого субъекта политики достигается преимущественно за счёт интеграции с институтом государственной власти и эксплуатации его ресурсов.

Например, в Российской Федерации принятие Федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» привело к выделению политических партий из массива других типов общественных объединений. Именно с этого времени политическая партия в современной России остаётся единственным видом общественного объединения, обладающим правом выдвижения кандидатов и списков кандидатов на выборные должности в органах власти общенационального и регионального масштабов.

Принципиальное значение в осмыслении процесса трансформации института политических партий имеет аргумент о том, что европейские партийные системы в своих основных параметрах оказались «законсервированы» к середине XX века[2].

---

[1] Малов Ю. К. Введение в теорию политических партий (обзор идей и концепций). – Москва: Русский мир, 2005. – С. 30.

[2] Липсет С. М., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей // Партии и выборы: Хрестоматия / отв. ред. и сост. Н.В. Анохина, Е.Ю. Мелешкина. – Москва, 2004. – С. 49–80.

К этому привело снижение остроты идейных противоречий во взаимодействии между партиями полярной идеологической принадлежности. Указанный фактор стал актуальным для нашей страны после распада СССР, дискредитации в массовом сознании коммунистической идеологии. Постепенное стирание границ между «правыми» и «левыми» политическими силами привело к переориентации партийных элит на привлечение наибольшего количества избирателей из различных социальных сообществ. Это заменило прежнюю традиционную работу исключительно с идейно близкими группами электората, но и в значительной мере дезориентировало традиционные группы поддержки партийных программ и идеологических доктрин.

Кроме того, в России, как и во всех современных социумах постиндустриального типа, наблюдается распад общественных классов, сложившихся на протяжении XX столетия. Граждане утрачивают принадлежность к конкретной социальной группе и меняют свою политическую идентичность в зависимости от значимости для них той или иной проблемы, которую предстоит решить. Учёные всё чаще обосновывают появление «новых классов» – «среднего класса», «класса интеллектуалов»[1], «креативного класса»[2] и т.п. Их возникновение неизбежно влечёт за собой изменение субъектного состава политических партий и иногда появление партийных организаций нового типа. Взаимно накладываются друг на друга отдаление партийных функционеров от гражданского общества и распространение эффективных каналов и форм выражения позиций и требований социально активных граждан. Конкуренцию партийным институтам всё чаще создают группы интересов, правозащитные организации, ситуативные сетевые группы, возникающие для совместного решения какой-либо конкретной общественной проблемы.

На этом фоне в российской практике на протяжении 2000-х гг. наблюдается консолидация партийных номенклатуры и её интеграция с государственной бюрократией. Названное явление в полной мере укладывается в контекст процесса картелизации партийной сферы, в наиболее завершённой форме нашедшей воплощение в германоязычных странах[3].

Результатом картелизации становится формирование привилегированных сообществ или коалиций внутри существующих партийных систем. Даже в условиях демократических политических режимов в странах Западной Европы всё чаще искусственно создаются приоритетные условия для функционирования

[1]Иноземцев В. Л. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. –2000. – № 6. –С. 38–49.

[2]Мостовая Е. Б., Афанасьева Ю. А., Шумилова С. И. Модернизация экономики и креативный класс // Мир экономики и управления. – 2017. – Т.17. – №4. – С. 179–189.

[3]Кац Р. С., Майр П. Картельная партия: возвращение к тезису (перевод) // Политическая наука. – 2010. – № 4. – С.83–85.

парламентских партий. Последние наращивают усилия по ограничению межпартийной конкуренции с целью достижения обособленного статуса по отношению к другим субъектам политики.

Картельная партия может трактоваться как современная вариация проправительственных институтов или как модель условной «партии власти». Изначально будучи тесно связаны с интересами государственного управленческого аппарата, картельные партии заключают формализованные и неформализованные соглашения с аналогичными партийными организациями или их фракциями в национальном парламенте. Основной целью является недопущение к предоставляемым со стороны государственной власти ресурсам других субъектов партийной системы. Типичными чертами картелизации партийной сферы называют бюрократизацию деятельности ведущих политических партий, их сближение с государственным административным аппаратом и стремление к ограничению конкуренции в борьбе за публичную власть[1].

Особенностью российской версии партийных картелей назовём их нацеленность на патронаж со стороны исполнительной власти. В Российской Федерации картелизация партийного строительства берёт своё начало в связи с принятием Федерального закона № 95-ФЗ «О политических партиях» от 11 июля 2001 года. Будучи в последующем неоднократно скорректирован в сторону усиления государственного контроля за партийной деятельностью, он фактически легализовал притязания парламентских партий на материальные, информационные и административные ресурсы государства.

Одним из проявлений указанного процесса становится не идейно-политическая, а конъюнктурная поляризация субъектов партийной системы. Основным критерием места партий в реальной политике становится принадлежность к высшим представительским институтам, определяемым не в последнюю очередь именно уровнем лояльности к государственной бюрократии. Обычным явлением стало формирование новых политических партий произвольным образом – в контексте замыслов различных группировок «политического класса» и связанных с ними лоббистов интересов финансово-промышленных сообществ. Причём такие партийные организации нередко уклоняются от чёткой идеологической принадлежности.

В постсоветской российской практике, начиная с декабрьских выборов Государственной Думы 1993 г., регулярно предпринимались попытки формирования «управляемой многопартийности». Как правило, партийные организации проходили регистрацию перед выборами, будучи ориентированы на различные объединения политических элит: «Наш дом – Россия»,

[1]Александров К. А. Картельные политические партии: особенности возникновения и политического участия // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – №2. – 2011. – С. 37–44.

Социалистическая партия И. Рыбкина, Демократический выбор России (ДВР), Партия российского единства и согласия (ПРЕС). В последующем все они лишались мест в парламентских институтах на фоне изменения конфигурации центров влияния в системе публичной власти.

Дальнейшим развитием указанных тенденций признаём создание и деятельность протопартийных организаций, отражающих интересы двух крупнейших бюрократическо-олигархических корпораций конца 1990-х гг. – движения «Единство» и движения «Отечество – вся Россия». Их слияние в единую партийную структуру символизировало собой заключение неформального договора внутри «политического класса» России, предопределившее формат и содержание отечественного партогенеза на многие годы вперёд.

Дальнейшим вектором партийного строительства первого десятилетия XXI века стало инициированное исполнительной властью формирование «левого фланга» российской политической системы, где потеснить позиции доминирующей Коммунистической партии Российской Федерации были призваны субъекты из числа лево-патриотической оппозиции – партия «Родина», а затем и партия «Справедливая Россия». Типичным проявлением картелизации парламентских партий стало подписание в 2008–2010 гг. серии соглашений о консолидированных действиях между лидерами «Единой России» и «Справедливой России», включая согласованное голосование в Государственной Думе и отказ от обоюдной критики в СМИ.

Обобщим, что реалии XXI столетия вносят коррективы в устоявшуюся периодизацию партийного строительства в России и за рубежом. В связи с наступлением постиндустриальной эпохи в полной мере проявил себя кризис классических партийных систем, имеющий под собой причины универсального порядка и снижающий уровень влияния массовых партий. Ввиду переориентации социальной активности на сферу услуг и информационных коммуникаций в российских урбанизированных агломерациях, где и сосредоточен политически активный контингент граждан, отмечается дефрагментацият радиционных социальных сообществ. Имеет место эрозия социальной базы партий массового типа, что сопровождается институционализацией новых типов партийной организации. Как правило, в своём большинстве российские партии относятся к «кадровым партиям» [1]. По своей сути они продолжают оставаться группами поддержки кандидатов в период избирательных кампаний.

Однако с формальной стороны большинство современных партий, действующих в российском политикуме, по-прежнему классифицируются как массовые. У всех из них имеется иерархическая структура региональных и первичных организаций, фиксированное членство, в уставных документах

[1]Дюверже М.Политические партии / пер. с фр. Л. А. Зимина. – Москва : Гаудеамус: Академический проект, 2013. – С. 55.

прописаны принципы партийной дисциплины. Одновременно в деятельности большинства партийных субъектов отмечаются также и черты партии кадрового типа – ограниченный круг постоянных участников партийной деятельности, формальный характер организационной структуры и членства в рядах первичных организаций. Современные и кадровые, и формально массовые партии на деле объединяются вокруг популярных политиков и общественных деятелей. В последние годы заметна тенденция выдвижения в партийные лидеры медийно известных персон, не имеющих опыта управленческой деятельности и не стремящихся получить таковой. Кадры партийных лидеров рассматриваемой формации представлены известными спортсменами, деятелями искусства, дельцами шоу-бизнеса и масс-медиа, покорителями космоса. Большинство из них оказалось не способно сформулировать ясную идейно-политическую позицию или же, наоборот, готово пересмотреть таковую в зависимости от доминирующих во властных кругах идеологических установок.

После партийной реформы 2012 г. был снижен порог нормативной численности партий до 500 членов, а порядок их официальной регистрации и допуска к выборам предельно упрощались. Всего к 2018 г. участвовать в выборах имела право 71 партия. Несмотря на расширение поля межпартийной конференции по прошествии двух избирательных циклов, в России отмечается сохранение позиций четырёхпарламентских «старожилов» – «Единой России», КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России». Каждая из них уверенно занимает определённую нишу электоральных предпочтений, закрепила в своих программах эксклюзивную социальную проблематику и обладает возможностями для пополнения своих рядов представителями элитарных группировок. Ввиду политической индифферентности большинства населения и ориентации партийных элит на тесное сотрудничество с исполнительной властью, рассматриваемые субъекты по-прежнему далеки от укрепления самостоятельного институционального статуса.

Исходя из анализа факторов современного партогенеза, необходимо выделить два ключевых последствия трансформаций партийной системы постсоветской России:

– формирование новых типов партийной организации, связанных с вновь возникающими социальными сообществами;

– приспособление института политических партий к меняющимся условиям российского общества, включая снижение своей общественной легитимности, за счёт обращения к поддержке исполнительной власти.

Рассматривая эволюцию института политических партий в постсоветской России как объективный процесс, следует указать на фактор обновления организационных форм их деятельности. В своём большинстве партийные организации постоянно модифицируются, обновляя идеологические и

организационные параметры своего функционирования в зависимости от развития социально-политической обстановки. Несмотря на меняющиеся условия, ввиду неразрывной связи с происходящими социальными процессами политические партии в Российской Федерации будут оставаться одним из устойчивых политических институтов.

Библиография/References:

1. Александров К.А. Картельные политические партии: особенности возникновения и политического участия // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. – № 2. – С. 37–44.

2. Дюверже М. Политические партии / пер. с фр. Л. А. Зимина. – М.: Гаудеамус, Академический проект, 2013. – 588 с.

3. Иноземцев В.Л. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. – 2000. – № 6. – С. 38–49.

4. Кац Р.С., Майр П. Картельная партия: возвращение к тезису (перевод) // Политическая наука. – 2010. – № 4. – С. 83–85.

5. Липсет С.М., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей // Партии и выборы: Хрестоматия. – М., 2004. – С. 47–76.

6. Малов Ю.К. Введение в теорию политических партий (обзор идей и концепций). – М.: Русский мир, 2005. – 171 с.

7. Мостовая Е.Б., Афанасьева Ю.А., Шумилова С.И. Модернизация экономики и креативный класс // Мир экономикии управления. – 2017. – Т.17. – № 4. – С. 179–189.

8. Сартори Дж. Партии и партийные системы: рамки анализа // Партии и выборы. Хрестоматия. – М., 2004. – С. 14–25.

1. Aleksandrov, K.A. (2011) Kartel'nye politicheskie partii: osobennosti vozniknoveniia i politicheskogo uchastiia [Cartel political parties: features of the emergence and political participation] // Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki [University proceedings. Volga region. Social Sciences]. – № 2. – P. 37–44. (In Russ.)

2. Diuverzhe, M. (2013) Politicheskie partii [Political parties] / per. s fr. L. A. Zimina. – M.: Gaudeamus, Akademicheskii proekt. – 588 p. (In Russ.)

3. Inozemtsev, V.L. (2000) «Klass intellektualov» v postindustrial'nom obshchestve ["Class of intellectuals" in postindustrial society] // Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological research]. – № 6. – P. 38–49. (In Russ.)

4. Kats, R.S., Mair P. (2010) Kartel'naia partiia: vozvrashchenie k tezisu (perevod) [The cartel party: return to the thesis (translation)] // Politicheskaia nauka [Political

Science]. – № 4. – P. 83–85. (In Russ.)

5. Lipset, S.M., Rokkan, S. (2004) Struktury razmezhevanii, partiinye sistemy i predpochteniia izbiratelei [Structures of delimitation, party systems and voter preferences] // Partii i vybory: Khrestomatiia [Parties and elections: a reader]. – M. – P. 47–76. (In Russ.)

6. Malov, Iu.K. (2005) Vvedenie v teoriiu politicheskikh partii (obzor idei i kontseptsii) [Introduction to the theory of political parties (review of ideas and concepts)]. – M.: Russkii mir. – 171 p. (In Russ.)

7. Mostovaia, E.B., Afanas'eva, Iu.A., Shumilova, S.I. (2017) Modernizatsiia ekonomiki i kreativnyi klass [Modernization of the economy and the creative class] // Mir ekonomikii upravleniia [World of Economics and Management]. – T.17. – № 4. – P. 179–189. (In Russ.)

8. Sartori, Dzh. (2004) Partii i partiinye sistemy: ramki analiza [Parties and party systems: the framework of analysis] // Partii i vybory. Khrestomatiia [Parties and elections. Reader]. – M. – P. 14–25. (In Russ.)